

1941 г. В ПАМЯТИ ФРОНТОВИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ВИНОГРАДОВ В.А.

GREAT PATRIOTIC WAR VETERAN'S
RECOLLECTIONS OF 1941

VINOGRADOV V.A.

В статье на основе материалов мемуарного характера рассматриваются события 1941 г. глазами непосредственного участника боевых действий. Уделено внимание повседневности на войне.

The article, basing on memoir materials studies events of 1941 through the eyes of direct participant. Special attention is attached to war realities.

Ключевые слова: 1941 год, Великая Отечественная война, участник, память.

Keywords: 1941, Great Patriotic War, participant, memory.

УДК 94

Виноградов Владимир Алексеевич, 1921 года рождения. Ветеран Великой Отечественной войны. В Красной Армии с осени 1939 г. Воевал на Юго-Западном фронте в звании заместителя политрука с 22 июня по 30 июля 1941 г. Был тяжело ранен. Демобилизован по ранению.

В настоящее время – известный ученый, академик Российской Академии наук.

Интервью записано 26 февраля и 7 марта 2001 г. в ИНИОН РАН. Беседу вела Е.С. Сенявская.

I

Мои биографические данные: Виноградов Владимир Алексеевич, родился я в городе Казани 2 июля 1921 года, здесь прошли мои детские и юношеские годы.

В 1939 году закончил среднюю школу и поступил учиться в Казанский авиационный институт, собирался быть инженером-моторостроителем. Однако эти планы оказались нарушенными в первый же месяц учебы. Сессия Верховного Совета СССР, которая проходила в первых числах сентября 1939 г., приняла решение о призыве на службу в Красную Армию выпускников средних школ 1920–1921 гг. рождения. И хотя мы в тот период были уже студентами, а не выпускниками, тем не менее указ был распространен на прием в вузы 1939 г. Постепенно студенческие ряды редели, и в числе других я был призван на действительную военную службу в Красную Армию. Служил в нескольких городах. Первый город – Гайсин на Украине, где был сформирован новый полк из числа новобранцев. Я попал на службу в роту ПВО – противовоздушной обороны. На нашем вооружении были счетверенные пулеметные тумбочные установки на автомобилях. В этой роте я прослужил до ноября 1940 г.

... Война меня застала в Ровно. Она не была неожиданной. Примерно дней за десять до начала войны в полках дивизии по утрам начались тревоги. В пять–шесть часов утра мы выезжали, делали бросок на машинах в сторону границы (а тогда я служил уже в механизированной дивизии,

которая входила в 22-й механизированный корпус), затем возвращались обратно в казармы, завтракали и приступали к обычным полевым занятиям. Некоторые части 5-й армии, в которую входил корпус, были расположены около самой границы. Оттуда поступали сведения о ситуации на другом берегу пограничной реки, в районе г. Владимир-Волынского. Сведения эти были тревожными, сообщалось, что на другом берегу сосредотачиваются немецкие войска, все время наблюдается движение, используются оптические приборы для наблюдения за нашей территорией. Были нарушения границы немецкими самолетами. Все это создавало обстановку напряженности. Ночью через Ровно проходили воинские части, летели над Ровно

самолеты в сторону границы. Как потом выяснилось, они располагались на прифронтовых, приграничных аэродромах и просто больших полянах. Все это, естественно, подсказывало, что ситуация сложная, что могут быть в самое ближайшее время начаты военные действия. За несколько дней до 21 июня, где-то числа 12 или 13 июня было опубликовано сообщение ТАСС, в котором опровергалось, что немцы собираются на нас напасть. Но мы восприняли это опровержение как подтверждение того, что война приближается и до нее буквально осталось несколько дней. Я решил сходить в фотографию, сфотографировался и отослал домой свои последние фотографии. Фотографии эти уцелели.

В.А. Виноградов, Львов, март 1941 г.

В.А. Виноградов, июнь 1941 г.

За три дня до 22 июня пришел приказ повесить на ночь одеяла на окна, осуществить затемнение и спать в обмундировании. Разрешалось снимать сапоги и ремень. Личному составу были выданы боеприпасы и противогазы. Командный состав был переведен на казарменное положение. Вечером 21 июня командир полка подполковник Мкртычев созвал всех командиров и политработников и еще раз подчеркнул, чтобы никто не отлучался из части: с границы поступают самые тре-

вожные сообщения, все может случиться. В 6 часов утра нас снова подняли по тревоге. Как и в предыдущие дни, мы выехали из части, не зная о том, что началась уже война. Личные вещи остались, естественно, в казармах. Где-то через час езды в направлении города Луцка, где был расположен штаб 5-й армии, мы увидели первый воздушный бой, в котором участвовало десятка полтора самолетов (наши и немецкие). Мы смотрели в бинокли, у кого они были, но различить, которые самолеты

ты наши, которые немецкие, было трудно. Несколько самолетов были сбиты и горящими свечами упали вниз. Это было первое впечатление о войне. Стало как-то жутковато. Когда мы подъехали к Луцку, через который должны были следовать, то неожиданно над нами очень низко, на высоте буквально до сотни метров пролетели немецкие эскадрильи бомбардировщиков с черными крестами. Мы повыскакивали из машин, залегли, кто в пшенице, кто в кюветах. Некоторые солдаты начали стрелять по самолетам из винтовок, но самолеты пролетали эскадрилья за эскадрильей, не обращая на нас внимания, бомбежки не было. Они бомбили Луцк. Задачей было разбомбить Луцк, воинские части, которые там располагались, и штаб 5-й армии. Когда мы въехали в Луцк (другой дороги не было), город уже во многих местах горел. Причем горели дома с двух сторон, на большой скорости машины проезжали между пылающими домами. Картина была тяжелая, но страха я не испытывал. Когда мы благополучно пересекли Луцк и сделали остановку, вынул небольшое карманное зеркальце и посмотрел на себя: лицо было испачкано сажей, в глазах прочитал растерянность.

В тот же день мы уничтожили немецкий десант, который пытался захватить мост через довольно широкую реку, а затем дальше двинулись к границе, где вскоре встретились уже с немецкими полевыми войсками. Около недели вели бои в районе Владимира-Волынского, затем по приказу начали отступать к старой границе – через Ковель, Ровно, Новоград-Волынский. Были крупные бои, в том числе танковые, в районе Ковеля, и особенно в районе Ровно, о них много писалось в нашей прессе, это было одно из самых больших танковых сражений в начале войны, в которых участвовал и наш 22-й механизированный корпус, которым командовал генерал-майор С.М. Кондрусев, а также 23-й корпус под командованием генерал-майора Рокоссовского. Во время этих боев погиб командир нашего корпуса, его заменил начальник штаба генерал-майор танковых войск Тамручи Владимир Степанович, которого я знал.

У меня до войны были с ним две встречи. Первый раз на полевых занятиях, где он, проверяя, как занимаются части, обратился ко мне и попросил рассказать о проведении политической работы в полевых условиях среди комсомольцев. А дальше

был семинар для комсомольских работников по новому дисциплинарному Уставу Красной Армии, который был утвержден в это время, и я на этом семинаре в присутствии генерала Тамручи несколько раз выступал. Потом проходила партийная конференция дивизии. В ее честь мы, комсомольцы, организовали спортивные соревнования. И опять меня жизнь столкнула с Тамручи. Я шел со спортивных занятий и вдруг гляжу: идет большая группа командиров во главе с генерал-майором танковых войск Тамручи, рядом командир нашего полка подполковник Тычев и затем другие командиры – и старшие, и младшие. Я был хороший строевик, взял под козырек и пошел строевым шагом. Тамручи увидел меня, остановился и обратился: «Ну как, комсомольский вожак, прошли соревнования?» Я ему рассказал. Он поблагодарил. Эта часть моих воспоминаний относится к предвоенным. Во время войны я его не видел.

После боев под Новоград-Волынским нашу часть, нашу дивизию отвели на отдых и пополнение, но на отдыхе мы провели только один день. Получили небольшое пополнение, примерно 400 человек. В это время немецкие танковые соединения прорвались в сторону Белой Церкви и дальше должны были выйти на Киевское направление. Нас бросили под город Малин, где немцы перерезали железную дорогу, соединяющую Киев с укрепленными районами Коростень и Обруч. Это были старые укрепленные районы, которые перед войной разоружили, потом наспех снова вооружили, и они держались. Железнодорожная связь Киева с этими укрепленными районами у города Малин (там выпускалась малинская папиросная бумага, на папиросах были водяные знаки «Малин») была перерезана. Вот там мы вели непрерывные бои в течении десяти дней.

II

Перед частями 22-го корпуса была поставлена задача выбить немцев из города Малин и тем самым освободить движение по железной дороге, связывающей Киев с укрепленными районами Коростень и Обруч. С ходу частям удалось взять высокую железнодорожную насыпь и окопаться за ней примерно в 100–200 метрах. До города оставалось еще примерно около километра или немного меньше. Но дальше продвижение было задержано: немцы вели очень интенсивный обстрел наших

войск из артиллерийских орудий, минометов, пулеметов. Авиации немецкой не было, но над городом висел аэростат, который корректировал действия немецких войск и огонь артиллерии и минометов. Мы окопались. Командные пункты были за насыпью, а бойцы окопались в поле. Глубокие окопы рыть было невозможно. В течении десяти дней несколько раз предпринимались атаки, но без поддержки танков штурм захлебывался. Артиллерийской поддержки было недостаточно. Однажды произошел неприятный инцидент, когда наша артиллерия накрыла наши передовые наступающие части, были жертвы.

Через три дня после начала боев под Малиным разведка донесла, что к Малину движутся свежие части, и двум батальонам нашего полка было поручено перейти маленькую речку и затем зайти в тыл к немцам, выйти к их большой реке (названия я не помню) и там встретить немецкие части, взорвать мост, задержать немецкие войска как можно дольше. Переход в тыл был осуществлен спокойно, сплошной линии фронта не было. Мы вошли в большой лес. Наткнулись на немецкие телефонные провода. В каком направлении, к кому они были протянуты – понять было трудно. Естественно, мы их тут же перерезали. На рассвете вышли к населенному пункту, расположенному как раз у той самой реки. Там от жителей узнали, что немецкие части за несколько часов до нас уже прошли к Малину. Пытались связаться по радиации с командованием, но ничего не вышло. Связь тогда работала очень плохо. Практически настоящих полевых радиаций не было. Это было очень плохо: мешало устанавливать связь между частями, осуществлять координацию во время боя. Было принято решение возвращаться. Когда мы шли обратно к линии фронта (а надо было преодолеть километров двадцать), наша разведка донесла, что впереди расположена большая поляна, на которой располагалась на отдых немецкая часть. Разведчики сказали, что дымят кухни, немецкие солдаты спят на земле, вповалку, никакого охранения нет, то есть чувствуют себя в полной безопасности. Было принято решение атаковать немцев. Мы окружили поляну и из всех огневых средств (а у нас были пулеметы, минометы, автоматы, винтовки), открыли огонь, но с таким расчетом, чтобы, естественно, не перестрелять друг друга, – окружили поляну только наполовину, оставив возможный выход

для немцев. Среди немецких солдат началась паника, некоторые пытались отстреливаться, офицеры стремились что-то организовать. Но, увидев, что есть направление, в котором можно вырваться из полукольца, немцы устремились туда. Но полегло достаточно много. Когда враг бежал, было принято решение снова отходить для соединения со своими частями. Но мы не знали, что примерно в километре от этой поляны находились еще поляны, где расположились на отдых другие немецкие части. Они, естественно, были подняты по тревоге, когда началась стрельба, и теперь уже начали окружать нас. Мы вынуждены были не просто отходить к своим частям, а с боем отступать.

Запомнился один эпизод. Мы должны были пересечь глубокий овраг. Перед оврагом два наших пулеметчика лежали и прикрывали огнем отступающие батальоны. Я тоже залег рядом с ними. И вдруг пулемет замолчал: оказалось, перекокс патрона в ленте. Я хорошо знал пулемет «максим». Но все мои попытки устранить неполадки ничего не дали, и вместе с этими солдатами и пулеметом мы побежали, уже догоняя отходивших бойцов. Нужно было бежать в овраг, а у меня болела правая нога. Я подвернул ее во время бомбежки, неудачно спрыгнув с машины. Поэтому я подотстал, и когда сбегал вниз, то увидел, что спиной ко мне стоит немецкий офицер, а шагах в двадцати от него находятся немецкие солдаты, стоящие в какой-то нерешительности. Я успел зафиксировать, что они не с автоматами, а с карабинами. По-видимому, это были какие-то обозники или какой-то комендантский взвод, потому что карабины были на вооружении только у тыловых частей. Что оставалось делать? В правой руке у меня был наган, я выстрелил в офицера. Он упал. Куда я попал, не знаю. Несколько секунд я бежал, поднимаясь из оврага. По мне был открыт залповый огонь. Я пробежал еще несколько метров, свистели пули, заскочил за большое дерево, вынул две гранаты-лимонки и одну за другой, не глядя, с силой бросил в овраг. Раздались два взрыва, стрельба по мне прекратилась. Какой был эффект от моих гранат, не знаю, – может быть, просто солдаты залегли. Но во всяком случае я успел подняться на вершину оврага и вскоре догнал наших бойцов.

Впереди оказалась речка. Мы стали ее переходить. Вода достигала колен, сапоги

налились водой. Перешли речку, все солдаты по очереди подняли ноги, вылили воду и пошли дальше. То же сделал и я. Но я уже упомянул, что у меня правая нога была повреждена в щиколотке, опухоль еще не прошла, была гематома, и через некоторое время портянка начала натирать ногу. Я понял, что если не остановлюсь, не приведу ноги в порядок, то придется или бросить сапог и идти без него, или надо выжить портянки и переобуться. Что я и сделал, сев на пенек. Пока я занимался своими ногами, мимо меня прошли последние бойцы. Двигались они, рассредоточившись: вокруг было мелколесье, летали немецкие самолеты, искавшие нашу часть – приходилось маскироваться. Я их догнал. Вдруг гляжу: впереди какое-то замешательство. Мы вышли к поляне, от нее расходились три дороги. Впереди шедшие бойцы не знали, куда идти, по которой из трех. Поляна была буквально усеяна крупной земляникой, яркой, сладкой. Молодые бойцы начали ее собирать и потеряли визуальную связь с отходившими ротами. Мы приняли решение пойти по одной из трех дорог. Впереди показалась сторожка лесничего. Спросили у вышедшей женщины, видела ли она немцев. Ответ получили отрицательный. Прошли еще две сотни метров и увидели следы протекторов автомобиля, скорее всего, немецкого. С нами был старшина, который ехал на коне, захваченном у немцев. Старшим в нашей группе был младший лейтенант Виноградов, мой однофамилец. Он приказал старшине поскакать вперед и произвести разведку. Минут через десять услышали выстрелы. Прискакавший обратно старшина рассказал, что на станции, через которую мы должны были перейти, его обстреляли. Значит, там были немцы. Приняли решение свернуть налево и пересечь железнодорожное полотно в другом месте. Сделали это вполне благополучно и без потерь вышли и соединились с нашими частями под Малиным. Один из батальонов также вышел благополучно. А первый батальон, в котором находились командир полка, комиссар и начальник штаба, вышел, по-видимому, к той же самой станции, через которую не пошли мы без предварительной разведки, и их накрыли пулеметным и минометным огнем. Командир полка и начальник штаба были убиты. Комиссара, тяжело раненого, вынесли бойцы, успели вынуть документы у коман-

дира полка. Потери среди бойцов были не очень большие, но полк был обезглавлен.

К 30 июля командование решило осуществить еще один штурм города. Нашему полку придали две бронемашин. Но расскажу о вечере, предшествующем этому штурму. В расположение полка, на командный пункт, приехал полковник из штаба корпуса, по-видимому, из особого отдела, точно я не знал. Он выяснял ряд обстоятельств, при которых наша артиллерия накрыла свои части. Затем он спросил у командира полка, где заместитель политура, секретарь комсомольской организации Виноградов. Я находился недалеко, слышал этот вопрос и был страшно удивлен. Новый командир полка майор Хоружев сказал: «Вот Виноградов». Полковник подошел ко мне, поздоровался и сказал: «Есть приказ о твоем переводе в распоряжение штаба корпуса. Приказ придет в полк завтра или послезавтра. Ну а пока я запрещаю принимать личное участие в боевых операциях, дальше командного пункта полка не двигаться». Я был поражен таким сообщением, но козырнул, сказал: «Ваше приказание будет выполнено». На этом разговор закончился.

Рано утром начался штурм города. Наши части продвинулись довольно далеко и уже подошли к окраине Малина, оставалось до ближайших домов метров 200. Но в это время очень сильный огонь из разных видов оружия со стороны немцев заставил части залечь и снова окопаться. Одна из рот нашего полка превратилась в клин, который врезался почти в Малин. Артиллерийские разведчики, корректирующие огонь нашей артиллерии, вынуждены были сообщить об этом, и огонь прекратился. Зигзагом вести огонь было невозможно. Последовали один за другим телефонные звонки на командный пункт полка с требованием немедленно отвести роту. Но связи с ней не было. Один за другим в роту ушли три связиста, чтобы передать приказ роте отойти, но рота оставалась на занятой позиции, по-видимому, связисты не дошли. На командном пункте остались мы вдвоем – командир полка и я. Остальной командный состав и политсостав был в бою. Что оставалось делать? Я подошел к командиру полка, козырнул и сказал: «Разрешите, товарищ майор, пойти мне». Он задумался, потом сказал: «Я не имею права вас посылать, но ситуация такова, что должен принять другое решение. Идите...» Я побежал к железно-

дорожной насыпи, рывком перескочил через нее, скатился вниз и там уже полпластунски примерно 500 метров добрался до роты. Эта операция мне удалась благополучно, я передал командиру приказ отходить. И вместе с ротой стал отползать. Тут же немцы, заметив передвижение, открыли огонь. Сильно били минометы. Пришлось перебежать от одной воронки к другой. И вот в этот момент, во время перебежки меня тяжело ранило. Я почувствовал сильнейший удар в спину, посыпались искры из глаз, это я запомнил. Мне показалось, что я перевертываюсь в воздухе и падаю назад на спину. Но это только показалось. Когда я очнулся, то лежал лицом вниз, а почва была песчаная. В рот и в нос попали песок, земля, упал я с ходу при перебежке. Попробовал подняться, но не смог. Дышать было тяжело, левая часть спины страшно болела. Я подумал, что осколок мины попал в спину, перебито легкое, поэтому трудно дышать, поэтому такая боль. Стал мысленно прощаться с жизнью, вспомнил родителей, вспомнил любимую девушку... Но через несколько минут вдруг почувствовал, что дышать стало гораздо легче. Вероятно, выплюнул землю, песок изо рта. Тогда попытался поднять голову и увидел, что невдалеке еще переползают последние бойцы отходящей роты. Сознание меня больше не покидало. Я попробовал кричать, но голоса не было. (Как потом выяснилось, произошло кровоизлияние в область голосовых связок. У меня была прострелена шея. Пуля прошла буквально вплотную с сонными артериями и задела левое плечевое нервное сплетение, почему и была такая боль в спине). Тогда я вынул наган, поднял руку вверх и начал стрелять. После семи выстрелов руку опустил. В тот же момент услышал разговор: «Ну, теперь можно к нему подползать». Солдаты слышали выстрелы, увидели, кто стреляет, но подползти вплотную боялись, я мог опустить руку, мог выстрелить в них. Меня тут же положили на плащ-палатку и волоком перетащили под насыпью. Там была труба в диаметре, вероятно, метра в полтора для стока воды. На другой стороне меня положили на носилки и принесли в санчасть. Здесь я и узнал, какое у меня ранение. Доктор полка сразу же начал иголкой колоть мне левую и правую ноги. Ноги чувствительность не потеряли, движения в них были нормальными. Он вздохнул с облегчением и сказал: «Вам повезло, по-

звоночник не задет». Меня перебинтовали и через некоторое время с другими ранеными бойцами в кузове грузового автомобиля перевезли в первый полевой госпиталь. Здесь снова перебинтовали. При этом хирург ругал доктора полка, потому что тот засунул в раны тампоны. «Что же он сделал? Наоборот, надо дать возможность выйти крови, грязи, частям ткани, которая могла попасть в рану...» Вскоре нас погрузили на машины и отвезли в очень большой полевой госпиталь. Об этом госпитале и о том, как я проследовал в Курск, описано в моих воспоминаниях. Говорить об этом не буду.

Как мне стало потом известно из документов о Великой Отечественной войне, запрошенных мною (я запросил материалы о действиях 215-й мотострелковой дивизии, в которую входил мой 707-й полк), что на следующий день, 31 июля, немцы получили еще подкрепления – танки, авиацию – и обрушились на наши войска. Корпус, понеся очень большие потери, вынужден был отступать. Вот это последнее, что я узнал о действиях моих частей.

Дальше – госпиталь в Курске, в Ростове-на-Дону, лечение в госпитале в родной Казани. Левая рука у меня висела без движений, плечо и рука постоянно ныли. Снотворные мне не помогали, я принимал по три-четыре таблетки и не мог уснуть. В госпитале в Курске в палате был каменный плиточный пол, и чтобы прекратить боль, я ночью ложился на этот пол голой рукой, становилось легче, потом передвигался, когда плитки подо мной нагревались. Приходила сестра, укладывала меня на кровать. Она уходила – я снова ложился на пол.

Теперь я хочу вернуться назад и вспомнить один бой, который мне особенно врезался в память, поскольку это, возможно, было самое тяжелое испытание времен войны. В местечке Алыки, когда мы уже отходили из Западной Украины, но еще не дошли до старой границы, полк почему-то задержался и простоял всю ночь. А на рассвете, где-то часов в пять, был получен приказ двигаться дальше. Шоссе, по которому мы должны были следовать, справа упиралось в возвышенность, а слева была низменность – поле, засеянное овсом. На этом шоссе полк атаквали немецкие истребители и бомбардировщики, начали буквально утюжить нашу колонну. Загорелась одна машина, другая... Никаких зенитных средств защиты не было, поэтому единственное спасение – было укрыть-

ся в поле, в больших воронках от нецельно сброшенных немецких бомб. Вот в такой воронке оказалось человек пять или шесть бойцов и лейтенант-танкист, в их числе и я. Истребители буквально гонялись за одиночными бойцами, и из воронки мы видели даже лица немецких летчиков. Они на бреющем полете проходили над нами. Воронка нас спасала. Когда самолеты улетели, лейтенант заметил стоящий на шоссе пикап. Он побежал к нему, ключи оказались в замке зажигания, завел и, хотя спуск с шоссе был очень крутой, сумел зигзагом съехать, посадил нас, и мы по полю поехали вперед. Проехали, вероятно, километров двадцать и только потом остановились и стали раздумывать: «А где же наши части?» Вернулись назад и к вечеру разыскали своих. Когда я пришел в штаб полка, там меня встретили несколько удивленно и обрадованно, потому что было сообщение, что я погиб. Ну, что было, то было... Только на следующий день я вспомнил, что это было второе июля, день моего рождения. Мне исполнилось 20 лет. Ранен я был 30 июля. Значит, воевал всего около сорока дней, но это были сорок дней, наполненных такими событиями, которые, естественно, врезались в память на всю жизнь.

Если говорить о том, было страшно или не было страшно, было, конечно, страшно. Если кто-то говорит, что он никогда не боялся, я этому не верю. Человеку свойственно чувство страха, можно быть мужественным и заставлять себя преодолевать этот страх, идти в атаку, ползти под обстрелом, ходить за «языком» и так далее, но не испытывать никогда чувство опасения, чувство страха, чувство незащитности, когда ты лежишь, скажем, под бомбежкой, [нельзя], – это, вероятно, свойственно каждому.

Теперь о моем ранении. По-видимому, меня снял снайпер. Я по молодости и свойственной молодости бесшабашности, а иногда и глупости, не носил каску, хотя мне несколько раз об этом говорили. Ходил в офицерской фуражке, поскольку, как заместитель политрука, ответственный

секретарь полка, я имел права среднего командира и получал соответствующее обмундирование. А на рукавах у меня были красные звезды. Снайпер этот увидел меня.

Где бы я ни лежал в госпиталях, ни проходил потом обследование, все врачи, все хирурги говорили, что я родился в рубашке, потому что такое ранение, когда пуля прошла рядом с двумя сонными артериями и не задела ни пищевод, ни дыхательное горло, ни позвоночник, – это случай редчайший. Много лет спустя я проходил очередное медицинское обследование в академической поликлинике, так называемую диспансеризацию, и попал к незнакомому невропатологу, фамилия ее была Никольская. Она стала меня осматривать, спросила, на что я жалуюсь. Я сказал, что я ни на что не жалуюсь, только вот владею левой рукой не полностью, но это уже дело непоправимое. Рука после ранения сначала полностью висела, через года полтора, после усиленных занятий и всяких процедур и прочего, наполовину восстановилась, а больше ничего сделать уже не удалось. Она спросила, куда я ранен. Я показал. Она сказала: «У вас необычное ранение. Я всю войну прослужила в госпиталях в Казани, но Вы второй с таким ранением я видела в Казани. Я сказал, что я в Казани лежал, вернее, лечился в областном госпитале у невропатолога Анисимовой. Она говорит: «Это и есть я, только теперь моя фамилия Никольская». Но она так изменилась, что я ее не узнал. Анисимова была военврачом, капитаном третьего ранга, очень красивой женщиной. Все мужчины на нее заглядывались. Обмундирование на ней сидело как влитое, и держалась она прекрасно, ходила всегда с гордо поднятой головой. Видимо, дальше у нее жизнь не сложилась, поскольку я потом узнал, что было очень неудачное замужество. И поэтому она так изменилась. Вот была такая любопытная встреча. Я об этом еще нигде не писал.

Сведения об авторе:

Виноградов Владимир Алексеевич, академик РАН, доктор исторических наук Института российской истории РАН (г. Москва).